

УДК 94(44)

Всеобщая история

Валерий АВАНЕСЯН

Кафедра истории и политологии АрГУ, д.и.н., профессор

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ КОРПУС, СЕНАТ ФРАНЦИИ И МЕКСИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД)

Վ.ԱՎԱՆԵՍՅԱՆ

**ՕՐԵՆՍԴՐԱԿԱՆ ՄԱՐՄԻՆ, ՖՐԱՆՍԻԱՅԻ ՍԵՆԱՏԸ ԵՎ
ՄԵՔՍԻԿԱՆԿԱՆ ԵՐՇԵՎԱԿՆՈՒՄԲԸ (ՄԿՁԲՆԱԿԱՆ ՇՐՋԱՆ)**

Հորիվածում քննվում է մեքսիկական արշավախումբը, որի սկիզբը դրվեց Լոնդոնի կոնվենցիայով 1861 թվականի հոկտեմբերի 31-ին, որտեղ որոշվեցին Ֆրանսիայի, Մեծ Բրիտանիայի և Իսպանիայի համատեղ գործողությունները:

Օրենսդիր կորպուսում տեղի ունեցան թե՛ ընկարկումներ: Հանրապետականները, ժ. Ֆալրի գլխավորությամբ, դեմ էին արտահայտվում ֆրանսիական կառավարության մտադրությանը՝ փոխել կառավարման հանրապետական ձևը՝ մեքսիկական գահին դնելով ավտորիտար վարդապետ Մաքսիմիլիանին:

Բանալի բաներ՝ Օրենսդիր կորպուս, Սենատ, Նապոլեոն III- ի գահի խոսք, Մեքսիկական արշավախումբ, Բենիտո Խարես:

В статье рассматривается Мексиканская экспедиция, начало которой было положено Лондонской конвенцией от 31 октября 1861г., где были определены совместные действия Франции, Великобритании и Испании.

Наиболее остро обсуждали экспедицию в Законодательном корпусе, где рьяно против выступили республиканцы во главе с Ж.Фавром, который осудил намерение французского правительства изменить республиканскую форму правления, посадив на мексиканский трон австрийского эрцгерцога Максимилиана.

Ключевые слова: Законодательный корпус, Сенат, тронная речь Наполеона III, Мексиканская экспедиция, Бенито Хуарес.

V.AVANESYAN

**LEGISLATIVE CORPS, FRANCE SENATE AND
MEXICAN EXPEDITION (INITIAL PERIOD)**

The article discusses the Mexican expedition, the beginning of which was laid by the London Convention on October 31, 1861, where joint actions of France, Great Britain and Spain were determined.

The most heated discussion of the expedition was held in the Legislative Corps, where the Republicans, led by J. Favre, ardently opposed the intention of the French government to change the republican form of government, placing the Austrian Archduke Maximilian on the Mexican throne.

Key words: Legislative Corps, Senate, the Throne speech of Napoleon III, Mexican expedition, Benito Juarez.

Отметим сразу моменты, на которых мы остановимся при анализе обсуждений мексиканской экспедиции. Прежде всего, это тронная речь императора при открытии сессии, в которой была определена общая политика по данной проблеме. После ноябрьских декретов для сведения депутатов было представлено «Изложение» ситуации в империи относительно внутренней и внешней политики правительства с приложением дипломатических документов. Принятие адреса в ответ на тронную речь сопровождалось общей дискуссией и ее обсуждением по параграфам. Причем поправки, вносимые отдельными депутатами или группой депутатов, становились также предметом дискуссий. Для защиты правительства на заседаниях парламента присутствовали комиссар правительства и министр без портфеля Билло.

В этой схеме прослеживается как позиция исполнительной власти, так и мнение различных политических сил в Законодательном корпусе. Очень важно понять настроение людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня. Фактором, ограничивающим объективные суждения, являлась тенденция рассматривать событие с точки зрения интересов рабочего класса, хотя этот термин не имел однозначного толкования и не отражал изменений, которые происходили на протяжении всего XIX в. Акцент на идеологических моментах уводил дебаты в сторону от действительных событий. Это прежде всего относится к брошюре, посвященной мексиканской экспедиции¹. Позиции всех сторон представляются достаточно полно. Мы считаем необходимым рассматривать экспедицию в динамике ее восприятия в Законодательном корпусе и Сенате.

Отметим, что на страницах «Moniteur» мексиканская тема появлялась с августа 1861 г. 2 августа в рубрике «Иностранные новости» была опубликована заметка о том, что Бенито Хуарес избран на конгрессе («за» — 65, «против» — 55) президентом Мексиканской республики и наделен диктаторскими полномочиями.

«События происходили с такой быстротой, что побежденные вчера, завтра могли стать хозяевами столицы и Мексики», — отмечалось в «Moniteur»². Генерал Маркес — лидер реакционеров — находился в нескольких лье от Мехико. 4 августа 1861 г. сообщалось о приезде в Осборн эрцгерцога Максимилиана и его супруги с целью

¹ Бельенький А. Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867. М., 1956.

² Moniteur. 2 août 1861.

нанести визит королеве Великобритании Виктории. Но главная информация, которая по существу стала началом совместной экспедиции трех стран — Англии, Испании, Франции — появилась 5 ноября 1861 г. Речь шла об известной Лондонской конвенции, подписанной 31 октября 1861 г.

События разворачивались стремительно. Французский посол де Салиньи предъявил ультиматум мексиканскому правительству с требованием отменить закон, по которому на два года отсрочили выплату по иностранным займам. В случае отказа посол грозился покинуть страну со всем персоналом, тем более что он имел на этот счет предписание своего министра. Вместе с тем в корреспонденции из Веракруса сообщалось о сложной внутривластной обстановке. Отметим основные акценты этих сообщений.

Ситуация оценивалась как «действительно плачевная и требующая срочного вмешательства», поскольку общество скатывалось к варварству, а для Европы решение этой проблемы важнее, чем решение торговых и финансовых проблем. Терпение дошло до той точки, когда здоровая часть населения желала коренного изменения в политических учреждениях. Такое положение может привести к тому, что однажды Мексика бросится в руки американцев. Интересы Европы диктовали ей спасти эту прекрасную страну¹. Таким образом, «Moniteur» подготавливал общественное мнение к мексиканской экспедиции, называя имена политических деятелей Мексики, с которыми французское правительство в будущем будет иметь дело.

27 января 1862 г. открылась совместная сессия Сената и Законодательного корпуса, где с тронной речью выступил Наполеон III. Касаясь мексиканской проблемы, он отметил, что Франция вступила в борьбу совместно с Испанией и Англией против Мексики с тем, чтобы «защитить наших граждан и пресечь посягательства против гуманности и прав человека»². В представленном «Изложении» относительно внутренней и внешней политики мексиканская проблема нашла свое отражение в двух разделах: Министерство иностранных дел и Министерство морского флота и колоний³. Отметим основные факторы, которые по мнению французского правительства, способствовали совместной экспедиции трех держав.

Усилия, прилагаемые Францией в течение нескольких лет для того, чтобы избежать разрыва с Мексикой, не привели к желаемым результатам. Виной тому был образ действий ее правительства. Анархия, царившая на всей мексиканской территории, поставила под угрозу жизнь французских граждан. Правительство, которое должно было нести ответственность за их защиту, не только игнорировало французские рекламации, но и не выполняло «без зазрения совести» взятые на себя обязательства. В силу этого французское правительство отказалось от умеренных действий, которые могли бы расцениваться как слабость. Великобритания и Испания, которые, также как и Франция, потребовали от Мексики справедливого возмещения нанесенного ущерба, присоединились к мерам принуждения, ставшим в настоящий момент, единственным средством призвать Мексику к уважению своих

¹ *Moniteur*. 7 janvier 1862.

² *Moniteur*. 7 janvier 1862.

³ «Изложение» представлено в виде приложения к заседаниям Законодательного корпуса в двух номерах «*Moniteur*» от 29 и 30 января 1862 г.

обязательств и избавить иностранных граждан от всяких унижений. С каждым днем ситуация становилась все более тягостной и невыносимой. Конвенция, заключенная в Лондоне 31 октября 1861 г., определила совместные действия трех держав. Союзные эскадры уже объединились в Мексиканском заливе. Более 3 тысяч солдат французского экспедиционного корпуса, высадились на побережье Веракруса. Такова была официальная версия правительства Франции относительно мексиканской экспедиции.

18 февраля 1862 г. в Сенате президент Троплонг ознакомил сенаторов с проектом адреса. В нем отмечалось, что Мексика понесет «заслуженное наказание» за свои «недостойные действия». Однако в Сенате мексиканская экспедиция не стала предметом специального обсуждения. Другое дело — Законодательный корпус. Проект адреса был представлен 7 марта 1862 г. и обсуждался до 20 марта. Маркиз де Пьер предложил не тратить силы Франции в далеких экспедициях. Депутат Лафан де Сен-Мюр поддержал политику Наполеона III, поскольку она защищала французские интересы там, где это необходимо. Граф де Латур, активный сторонник развития морской торговли, считал, что основным средством утвердить доверие и мир является защита консервативных принципов, т.е. благоразумной свободы и христианской справедливости.

Депутат Арман, коснувшись непосредственно мексиканской экспедиции, защищал тезис «Изложения» о том, что она была вызвана желанием правительства обеспечить безопасность французов и интересы экспорта. Для этого нужно было восстановить порядок и способствовать формированию стабильного правительства в этой обширной империи. И что самое главное — предупредить вмешательство США в конфликт. Указывая на возрастающую роль морской торговли для интересов страны, Арман предложил укрепить морские силы Франции, так как ни в какую другую эпоху их деятельность не была столь необходимой. В качестве примера были приведены сирийская, китайская и мексиканская экспедиции.

Наиболее остро эту проблему поставил перед правительством Ашиль Жюбиналь, хотя он не выступил против самой экспедиции. Он разъяснил ее истинную цель, поскольку циркулировали различные слухи. Франция совместно с союзниками отправилась низвергать мексиканское правительство и заменить республиканскую форму правления на монархическую. Она намеревалась предоставить трон бельгийскому, немецкому или испанскому принцам. Если экспедиция предпринята для защиты интересов граждан, то ее можно приветствовать. Если же под прикрытием этих благородных целей войска отправились в Мексику для того, чтобы низвергнуть там правительство и навязать другую форму правления, то это противоречит принципам невмешательства. Жюбиналь считал, что мексиканское правительство, возглавляемое Хуаресом, являлось стабильным и пользовалось поддержкой большинства мексиканцев. Поэтому общественное мнение во Франции не должно быть введено в заблуждение неточными сведениями.

Наиболее жестким критиком экспедиции выступил республиканец Фавр, который защищал поправку, представленную «пятеркой» (Фавр, Пикар, Даримон, Генон, Оливье). Авторы сожалели о начале экспедиции, которая, по их мнению, являлась вмешательством во внутренние дела другой страны. По мнению Фавра, экспедиция имела скрытую цель. Об этом говорили опубликованные дипломатические документы. Охарактеризовав внутреннее положение Мексики как однозначно

плохое, Фавр положительно оценил деятельность Хуареса, который имел намерение восстановить порядок в стране и добился успехов в уменьшении мексиканского долга на 19 млн. пиастров. Атака на Хуареса станет несвоевременной и противоречащей праву.

Интересы Франции отличались от интересов Англии и Испании. Это проистекало из официальных документов, которые были опубликованы мексиканским правительством. Долг, установленный конвенцией относительно Франции, равнялся 150 тыс. пиастров, т.е. 750 тыс. франков. Однако Фавр предполагал, что сумма рекламаций может возрасти до 3-4 млн. франков. Стоило ли расходовать 20-30 млн., чтобы получить эту сумму? С точки зрения цифр, роль Франции в этой экспедиции являлась более чем странной, потому что долг Англии был равен 62 млн. пиастров, а ущерб, установленный по конвенции для англичан, составлял 5 млн. пиастров, для испанцев — 8 млн. Поэтому Франция вообще не имела права объявлять войну по причине выплаты долга. Тем более что, по сведениям французских агентов, существовало более эффективное средство решения проблемы. Следовало занять два главных порта Мексики — Веракрус и Тампико, через которые проходило более половины товаров, а не вооружать 18 кораблей.

Фавр обратил внимание депутатов на три депеши, которые, по его мнению, могли бы внести определенную ясность в намерения Франции. Первая — от Рассела Коули, министра иностранных дел Великобритании, своему послу в Париже об увеличении французского экспедиционного корпуса. Об этом сообщил ему Флао, французский посол в Лондоне. Письмо датировано 20 января 1862 г. Вторая — от Коули Расселу (24 января 1862 г.), где сообщалось о том, что офицеры, которые отравлялись в Мексику, знали о намерениях правительства посадить на трон эрцгерцога Максимилиана.

И еще одна депеша, определявшая позицию английского правительства по этой проблеме: Рассел 27 января 1862 г. писал своему дипломатическому агенту в Мексике о том, что французский император посылает подкрепление в количестве 3 тыс. человек, и эти войска будут направлены в Мехико. Максимилиана планировалось посадить на мексиканский трон. Однако силовое вмешательство для достижения этой цели исключалось. Мексиканцы должны были самостоятельно определить форму правления.

Фавр считал, что экспедиция, предпринятая Францией, имеет единственную цель — изменение существующего режима. Но посадить на трон Максимилиана еще не все, его надо будет защищать, для чего необходимо держать в Мехико целый гарнизон. Исходя из изложенного, Фавр считал мексиканскую экспедицию авантюрой, которая могла серьезно скомпрометировать достоинство Франции.

Билло, министр без портфеля, выступил с защитой позиции правительства и ответил на вопросы, поставленные депутатами. Прежде всего он признал объявленную войну справедливой, поскольку в течение многих лет допускались самые дерзкие оскорбления в отношении французов, проживающих в Мексике. А правительства, сменявшие друг друга, не только не защищали их, но и принимали в этом участие. В этой стране пролилась кровь французов, оскорблялось достоинство консулов Франции, даже сам посол едва не стал жертвой покушения. Достоинство и интересы Франции не позволяли и дальше выносить буйства анархии, потому что

французы, оскорбленные и ограбленные, требовали отмщения и защиты. С другой стороны, долготерпение, проявленное в отношении Мексики, может восприниматься как признак слабости. Таковы основные причины войны в интерпретации Билло.

Что касалось овладения портами Веракрус и Тампико с целью использования таможенных пошлин для выплаты долгов, Билло подчеркнул, что мексиканское правительство своим декретом свело почти к нулю внешние таможенные пошлины, увеличив внутренние, которые собирала местная власть, и это касалось прежде всего французской продукции. Атаку на Мехико министр объяснял политическими потребностями, а также санитарным состоянием войск. Завладеть побережьем и остаться там означало подвергнуть экспедиционный корпус опасности заболеть желтой лихорадкой. Вместе с тем бездействие позволило бы анархии укрепиться. Необходимо было поразить врага в самое сердце. Только таким образом можно было силой заставить противников уважать права, интересы граждан и выполнение взятых обязательств. Вот почему войска двинулись на Мехико. Это произошло 20 февраля 1862 г.

В том случае, если народ Мексики изберет правительство, которое установит в стране порядок, французское правительство не станет противодействовать этому, поскольку такая возможность предусмотрена как Лондонской конвенцией, так и инструкциями министра иностранных дел Франции. Это принцип национального суверенитета и народного волеизъявления. В соответствии с ним, если народ, стремящийся улучшить свое нищенское существование, избирает новое правительство, то он может рассчитывать не только на симпатии, но и на моральную поддержку. Билло опроверг слух о том, что французские войска двинулись в Мехико с целью основания монархии во главе с эрцгерцогом Максимилианом*

Таким образом, первые выступления по мексиканской проблеме выявили различные позиции сторон. Республиканцы не удовлетворились официальными мотивами экспедиции и выдвинули поправку, призывавшую правительство преследовать одну цель — возместить убытки и не вмешиваться во внутренние дела Мексики. Но Фавр пошел дальше и во время своего выступления упрекнул французское правительство в том, что оно, прикрываясь официальными мотивами, имело целью изменить существующий в Мексике режим. Кроме того, Фавр рассматривал войну как несправедливую, от которой прежде всего страдал бюджет Франции.

Билло, защищавший позицию правительства, наоборот, охарактеризовал войну как справедливую, поскольку призывы французов о помощи не могли оставаться без внимания. Занятие двух мексиканских портов для выплаты долгов, как альтернативу военным действиям, он считал неэффективным, потому что увеличение внутренних таможенных пошлин со стороны мексиканского правительства не способствовало развитию торговли. Атаку на Мехико Билло объяснил не только политической потребностью, но и интересами экспедиционного корпуса. Французское правительство, руководствуясь принципами национального суверенитета и народного волеизъявления, не станет противодействовать мексиканцам в выборе нового правительства. Это подразумевалось в Лондонской конвенции и в инструкциях министра иностранных дел. Следовательно, Билло опроверг не только тезис оппозиции о вмешательстве во внутренние дела, но и слух о восстановлении

монархии во главе с эрцгерцогом Максимилианом. Наряду с двумя противоположными позициями существовала и третья точка зрения — позиция парламентского большинства, которое на этой сессии по существу приняло объяснение правительства и рассматривало экспедицию, как очередной победный марш французской армии. Но в его рядах обнаружились первые симптомы настороженности, которые с развитием событий внесут раскол в большинство. Эту точку зрения выразил Жюбиналь.

В итоге на этой сессии исполнительная и законодательная власти согласились идти вместе, что проявилось в одобрении параграфа адреса.

Проект адреса 20 марта 1862 г. был принят 245 голосами «за» и 9 — «против».

Тем временем события в Мексике разворачивались следующим образом. 13 мая 1862 г. «*Moniteur*» объявил о разногласиях на конференции, где чрезвычайные послы союзных держав не смогли договориться. 17 мая 1862 г. в рубрике «Иностранные новости» были опубликованы подробности этой конференции¹. Остановимся на ее результатах, потому что они в последующем станут предметом острых споров оппозиции и правительства и их сторонников в Законодательном корпусе.

Французские представители заявили на конференции, что с того момента, когда три державы решили послать значительные силы в Мексику, они были в состоянии войны с мексиканским правительством. Они также отметили, что рассматривают наступление на Мексику как необходимость для безопасности их граждан и не делают больше попыток вести переговоры с правительством Хуареса.

В ответ на эту декларацию французских представителей Салиньи и Жюрьена де ла Гравиера генералы Прим и Чарльз Уик ответили, что англичане отказываются участвовать в операциях, объявленных французами.

Был опубликован также текст обращения, подписанного Салиньи и ла Гравиером, к генералу Добладо, представителю Хуареса на переговорах. Обращение датировано 9 апреля. По существу, оно было ответом на письмо Добладо от 3 апреля, где он потребовал удаления генерала Альмонте. Французские представители отказались выполнить это требование, объяснив мотивы своего отказа. Когда генерал Альмонте выехал из Франции, правительство императора не ставило под сомнение начало военных действий между мексиканской и французской армиями. Альмонте предложил свое посредничество для того, чтобы объяснить своим согражданам цель европейского вмешательства. Это предложение было принято императором, и он был приглашен отправиться в Мексику для выполнения такой мирной миссии.

20 мая 1862 г. в «*Moniteur*» появилась редакционная статья по поводу действия французских представителей императора в Мексике и их различных оценок со стороны французской и иностранной прессы. Газета приводила статьи Лондонской конвенции и инструкции, которыми Салиньи и ла Гравиер руководствовались, отказываясь вести переговоры с представителями Хуареса и направив войска прямо на Мехико.

В преамбуле оговаривалась цель экспедиции, а именно — «более эффективная защита граждан и выполнение принятых обязательств в отношении государств». В первой статье говорилось о необходимости послать в Мексику сухопутные и

¹ *Moniteur*. 17 mai 1862.

морские силы, количество которых будет оговорено в ходе дипломатической переписки между заинтересованными сторонами. Во второй статье отмечалось, что договаривающиеся стороны не ищут территориальных приобретений, частных выгод и не будут влиять на внутренние дела Мексики, если это приведет к ущемлению права мексиканского народа избрать и свободно учредить форму своего правления.

Следует подчеркнуть одну очень важную деталь. С точки зрения Лондонской конвенции нарушения со стороны Франции не произошло, но сама конвенция составлена таким образом, что ее можно по-разному интерпретировать. Формулировки настолько расплывчаты (например, «более эффективная защита и выполнение взятых на себя обязательств»), что их можно трактовать по своему усмотрению. Поэтому гипотетически возможности такого оборота событий вольно или невольно закладывались в конвенцию.

Именно руководствуясь преамбулой и двумя статьями конвенции, министр иностранных дел Франции Тувенель писал ла Гравиеру 11 ноября 1861 года, определяя правила поведения своего дипломатического агента. В то же время министр сообщил лондонскому и испанскому кабинетам содержание этих инструкций.

В них оговаривалось: «в случае необходимости вы можете направить союзные силы вглубь страны, даже в Мехико. Если ради безопасности наших граждан следует предпринять поход в любую точку территории Мексики, то к этому необходимо прибегнуть»¹.

Вместе с тем инструкции запрещали вмешиваться во внутренние дела Мексики, в частности, осуществлять какое-либо давление на волю народа, когда это касалось выбора его правительства. Однако отмечалось и то, что союзные державы заинтересованы в том, чтобы Мексика вышла из такого социального порядка, который парализует ее процветание и не позволяет воспользоваться теми богатствами, которыми одарила ее природа.

16 июня 1862 г. президент Законодательного корпуса Морни получил проект закона об увеличении на 7 млн. фр. бюджета военного и на 8 млн. — морского министерств.

Бонапартист Монье де ла Сизеран отметил, что так как в далекой экспедиции была задета честь французского флага задета надо предоставить правительству средства для преодоления непредвиденных препятствий, вызванных неожиданным отъездом дружественных держав. Республиканец Оливье выдвинул предложение отправить проект в бюджетную комиссию Законодательного корпуса, а сам вопрос, касающийся мексиканской проблемы, рассмотреть отдельно. Его поддержали Морни и депутат Клари, представитель большинства.

Накануне завершения сессии Законодательного корпуса началось обсуждение мексиканской экспедиции, и оно приобрело новую остроту, потому что, в отличие от первоначального обсуждения, в оборот были введены новые фактические подробности. Речь шла о Соледадском соглашении и мексиканских эмигрантах, которых называли конкретными виновниками разрыва отношений между союзниками.

¹ Тувенель – Ла Гравиер 11 ноября 1861. *Moniteur* 20 mai 1862.

В выступлениях имеются повторы, поэтому мы остановимся на новых моментах экспедиции, которые выявились во время их выступлений. Анализируя преамбулу, две статьи Лондонской конвенции и инструкцию Тувенеля от 11 ноября 1861 г., Фавр привлек внимание депутатов к возможности изменения формы правления Мексики. Фавр считал, что силовой акт против Мексики является нарушением прав человека, и Франция предстанет перед всем миром виновницей покушения на национальный суверенитет. Но две проблемы подлежат специальному обсуждению: Соледадские соглашения и дело Жеккера. Чем объяснить, что Фавр обратился именно к этим вопросам? На наш взгляд, они являлись наиболее уязвимыми, потому что французское правительство отреклось от соглашения, которое подписали его представители в Мексике. Напрашивался вопрос: «почему»? Потому что за делом Жеккера стояли известные политические деятели из близкого окружения императора.

Фавр обратился к правительству за разъяснениями мотивов, по которым представители союзных держав, с одной стороны, и Мексика, с другой, отказывались ратифицировать Соледадский трактат, подписанный Францией 19 февраля 1862 г.. По мнению Фавра, главной причиной разрыва между Францией, Англией и Испанией стало наличие мексиканских эмигрантов. Если бы Франция не позволила примкнуть к ней мятежникам-эмигрантам, политическим деятелям, которых изгнали из Мексики, то не произошло бы этих досадных последствий. Речь прежде всего идет об Альмонте и Мирамоне. К тому же, Альмонте объявил, что он отправился в Мексику для того, добиться от французов, англичан и испанцев поддержки кандидатуры Максимилиана.

Разногласия между союзными державами проявились и по займу Жеккера. Фавр в своих доводах опирался на письмо, адресованное Расселу его агентом в Мексике. Когда правительство Мирамона доживало последние дни и осталось без единого су, дом Жеккера предоставил ему заем в сумме 750 тыс. долларов или 3 млн. 750 тыс. фр. Взамен он получил бонны, подлежащие оплате в будущем, на сумму, значительно больше первоначальной — 15 млн. долларов или 75 млн. фр. Спустя некоторое время после этого «оскорбительного» соглашения, Мирамон был низвергнут и заменен Хуаресом. Жеккер, находясь под французской протекцией, потребовал выплаты этой огромной суммы, основываясь на том, что настоящее правительство ответственно за акты и обязательства предыдущего. Однако Хуарес наотрез отказался это сделать. Английский посланник полагал, что мексиканское правительство охотно согласилось бы выплатить 750 тыс. долларов из расчета 5%. Но на 15 млн. долларов оно согласиться не могло.

При падении Мирамона Жеккер был объявлен банкротом. Бонны, которые находились в его руках, к тому времени резко упали в цене и были проданы за бесценок. Общество почетных спекулянтов во Франции выкупило их, а теперь хочет воспользоваться случаем. Оно требует 75 млн., и Франция берет его под свой патронаж. Фавр подчеркнул, что в европейской печати и, в частности, в «Times» отмечалось, что во главе «Общества», которое выпустило бонны, находятся известные государственные деятели Франции. В случае признания французским правительством займа законным, это станет враждебным актом по отношению к мексиканскому правительству. Фавр желал услышать из уст министра, что Франция

не будет настаивать на включении займа Жеккера в рекламации французских граждан*

Поясним, что когда Фавр говорил об известных государственных деятелях, замешанных в приобретении бон Жеккера, он в первую очередь имел в виду Морни, президента Законодательного корпуса, который председательствовал на этой сессии. Попробуем разобраться, в какой степени Морни был замешан в деле Жеккера и повлиял ли он на решение императора начать мексиканскую экспедицию?

Начнем с разоблачительного письма Жеккера, обнаруженного в рабочем столе Конти, директора кабинета императора во время захвата коммунарами Тюильрийского дворца. В письме говорилось о том, что Морни сыграл немаловажную роль в Мексиканской экспедиции. Он требовал для себя 30% прибыли от этого дела и хотел заставить мексиканское правительство выплатить долг по займу Жеккера. Под этим документом стоит подпись Жеккера.

Однако, как отмечает Клод Дюфрен, биограф Морни, мнения относительно того, соответствуют ли действительности факты, изложенные в письме Жеккера, разделились¹. Следует также указать, что Дюбуа де Салиньи, французский посол в Мексике, занял эту должность благодаря протекции Морни. Именно он включил заем Жеккера в ультиматум, представленный правительству Хуареса. Кроме того, Жеккер являлся гражданином Швейцарии и был натурализован при вмешательстве Морни 26 марта 1862 г. Два письма, опубликованные по приказу Хуареса в конце 1862 г. в мексиканской газете, подтвердили участие Морни в урегулировании дела Жеккера. Морни присутствовал и при строительстве железной дороги от Мехико до Веракруса. Здесь Морни вмешался в пользу мексиканского банкира Антонио Эскандена, который еще в 1857 г. добился от правительства Хуареса концессии для строительства этой ветки. А когда императором Мексики стал Максимилиан, Морни обратился к нему с просьбой содействовать строительству. В конечном итоге план этот был реализован.

Морни интересовался не только бонами Жеккера. В Мехико у него был корреспондент по имени ла Пьер, который предоставлял ему сведения по мексиканским рудникам. В последнем письме, которое пришло во Францию в день смерти Морни, Ла Пьер предлагал новое дело относительно рудника Гуаначуаго.

Наконец, Морни был убежден, что США могут стать угрозой для Европы. Эту мысль он сумел внушить Наполеону III. Морни полагал, что империя, созданная в Мексике, выступит в роли защитника крупных и мелких латинских республик, и эта группа государств будет способна противодействовать влиянию США.²

Не было ли участие Морни определяющим в решении начать мексиканскую экспедицию, если иметь в виду дело Жеккера? Обратимся к современникам Морни, и в первую очередь к императрице, которая на самом деле являлась одной из «крестных матерей» мексиканской экспедиции. В конце своей жизни она отметила: «Я утверждаю, что в основе предприятия (мексиканской экспедиции. — В.А.) финансовые спекуляции, заем Жеккера, рудники Соноры не имели никакого значения. Мы даже об этом не думали... позже биржевые игроки и мошенники

¹ Dufresne C. *Morny, le roi du Second Empire*. Paris, 1933. P. 307-308.

² Эту мысль Мериме доверил мадам Адам. См.: M-me Adam. *Mes sentiments et nos idees avant 1870*. Paris, 1905. P. 39.

воспользовались ситуацией. Претендовать на то, что мексиканская экспедиция была предпринята по наущению Морни и по постыдным мотивам, — это клевета, которую следует полностью отвести. Нечистоплотный заем Жеккера не имел решающего значения в наших замыслах»¹. Осведомленный Эмиль Оливье также подчеркивал: «Формально я могу заверить в том, что император ни на миг не принимал во внимание заем Жеккера, когда решил послать войска в Мексику»².

Исходя из вышеизложенного, можно высказать определенное мнение. Во-первых, участие Морни не было решающим в решении о начале мексиканскую экспедицию, хотя он лично и был заинтересован в ней, поскольку падение Хуареса открыло бы для него реальные пути для отрегулирования с новым правительством проблем по займу Жеккера. Во-вторых, материальные интересы не лежали в основе экспедиции, и с этой точки зрения мы не можем причислить Морни к авторам предприятия.

Инициаторами мексиканской экспедиции выступили император, императрица и мексиканские эмигранты. Рассмотрим позицию каждого в отдельности, и прежде всего Наполеона III.

Мексиканская, а точнее американская идея, появилась не внезапно. Первоначально она существовала в виде мечты, имеющей также свою предысторию. Для того, чтобы мечта превратилась в определенное убеждение, а затем материализовалась в конкретный проект, понадобилось четыре года.

На мексиканскую экспедицию повлияли три обстоятельства: положение в Центральной Америке и позиция трех европейских государств (Англии, Испании, Франции); личные амбиции Наполеона III; внушения частных лиц. Наполеон преследовал множество целей, бросаясь в это «осиное гнездо»³. Он искал реванша за свои итальянские разочарования. С другой стороны, он предложил трон Максимилиану, брату австрийского императора, которого недавно победил. Наконец, конъюнктура казалась благоприятной для образования Латинской империи Америки, которая стала бы противовесом США, находившимися в тяжелом положении, вызванным гражданской войной. Наиболее полно взгляды Наполеона отражены в его письме генералу Форю. Политическая перспектива, которая открывалась в результате экспедиции, и стала основной причиной французского присутствия в Мексике. Материальные интересы отходили на второй план.

Дон Хосе Идальго, мексиканский эмигрант и друг молодости императрицы, сумел убедить ее, что порядок в Мексике можно восстановить, опираясь на консервативные элементы. Она загорелась этой идеей, и ей уже виделось создание крупной католической империи. Императрица полагала, что, возведя на престол Максимилиана, она тем самым высоко поднимет престиж императорской Франции. Позднее она отметит свою личную заслугу в мексиканской экспедиции: «Это было сделано мною в октябре 1861 г. в Биаррице»⁴.

Косвенными инициаторами экспедиции были также мексиканские эмигранты, которые рисовали императору и императрице сказочный мир и предрекали легкую удачу.

¹ *Paleologue, Les Entretiens de l'Impératrice Eugénie. Paris, 1928. P. 86.*

² *Ouvrier E. L'Empire libérale. T.V. P. 256-257.*

³ *Dufresne C. Morny, le roi du Second Empire. P. 317.*

⁴ *Именно в 1861 г. встал вопрос о католическом королевстве в Мексике.*

Возвратимся к заседанию Законодательного корпуса. Позицию правительства после выступления Фавра вновь защищал Билло. Это было одно из самых длинных выступлений в его политической карьере. Оно составило 72 страницы текста. До его выступления, т.е. 20 июня 1862 г., Наполеон III написал ему из Фонтенбло, дав специальные инструкции по поводу мексиканской экспедиции. Таким образом, министр более чем когда-либо превратился в его «рупор». Выступление Билло было «прекрасно документировано и искусно представлено». Он проявил талант гибкого оратора, способного поставить себя в защиту всех императорских идей, даже самых спорных¹. Говоря о мотивах экспедиции и повторив тезис о преследовании иностранцев, Билло представил к сведению три предыдущих соглашения с мексиканским правительством, которые были заключены в 1838, 1853 и 1859 годах и закончились безрезультатно. Мексиканцы приняли на себя обязательства возместить ущерб, причиненный французам, однако они не выполнили этого. Поэтому Билло считал, что с исторической точки зрения экспедиция была оправдана.

Французское правительство признало Хуареса, аккредитовав в качестве посла Дюбуа де Салиньи, который подписал четвертую конвенцию. Однако и ее выполнение было отсрочено на два года. В этом случае интересы Франции могли быть скомпрометированы не только в Мексике, но и в 12-14 республиках Южной Америки.

Как уже отмечалось, Салиньи разорвал дипломатические отношения, а министр иностранных дел в депеше от 5 сентября 1861 г. одобрил образ действий посла.

Появилась дилемма: либо оставить без защиты французских граждан, не сумев возместить ущерб, причиненный им, либо принять решительные меры. Поэтому, по мнению министра, использование силы было необходимостью.

Далее Билло заявил, что многие мексиканцы считали единственной формой правления, которая может положить конец анархии, царившей в Мексике, монархию. Поэтому три кабинета (английский, французский и испанский) должны были иметь в виду все возможные комбинации.

Большое внимание Билло уделил Соледадскому соглашению, которое с самого начала не было одобрено французским правительством по следующим причинам. Прежде всего, оно позволило Хуаресу организовать оборону и оказать давление на тех мексиканцев, которые были не согласны с его политикой. Кроме того, это соглашение противоречило целям экспедиции и интересам Франции. Условия соглашения Билло считал прискорбными, а большинство депутатов назвали их унизительными для Франции. Поэтому правительство императора не одобрило соглашения и послало соответствующие инструкции 20 марта телеграфом, а 31 марта — почтой, где вполне четко были определены цели экспедиции: возмещение ущерба и правительство, которое предоставит гарантии на будущее.

Билло отметил, что политика мексиканского правительства не изменилась и после Соледадского соглашения, и в доказательство привел письма испанского представителя Прима, датированные 20, 21 и 23 марта 1862 г., Жюрьену де ла Гравиеру. В них он выразил недовольство действиями мексиканского правительства.

В корреспонденции между Примом и Гравиером последний просил Прима, чтобы

¹ *Blayau N Billault ministre de Napoléon III. Paris, 1969. P.*

тот предложил Хуаресу объявить всеобщую амнистию, с тем, чтобы воля мексиканцев проявилась свободно, т.е. позволить высказаться как друзьям, так и противникам правительства. Тогда, в случае если народ, освобожденный от постоянного давления, угроз быть осужденным на смерть, проголосует за республику Хуареса, это станет продолжением его права, и оно будет признано.

Важно отметить письмо Жюрьена де ла Гравиера от 22 марта Приму, в котором французский представитель определил свою позицию по вопросу мексиканских эмигрантов. Во-первых, они уехали из Веракруса вопреки его желанию. Было бы желательно, чтобы эмигранты остались ждать амнистии в Веракрусе, а затем примирить партии, положив конец гражданской войне. В конце письма Гравьер отмечал, что у него нет приказа основать монархию вопреки воле мексиканцев, так же как нет приказа укреплять республику. Он просил Прима довести до сведения Добрадо его личное мнение и намерения французского правительства.

Билло подчеркнул, что Соледадские соглашения, прискорбные в своих оговорках, не были ратифицированы французским правительством по следующим причинам: они противоречили первоначальным замыслам экспедиции и последующим инструкциям; правительство Хуареса продолжало политику притеснения и унижения французских граждан.

В заключительной части выступления Билло вновь коснулся дела Жеккера, подчеркивая, что он ссылается на те же депеши.

Чарльза Уика, которые цитировал Фавр, и подробно изложил историю вопроса. В конце 1859 г. — начале 1860 г., когда Мирамон был президентом мексиканской республики и его признали многие европейские государства, Хуарес провозгласил себя президентом в Веракрусе. Обоим нужны были деньги. Тогда Мирамон заключил с домом Жеккера заем на сумму, которая варьируется от 750 тыс. до 3 млн. пиастров, и вручил Жеккеру боны, подлежащие оплате на таможене. Французские граждане, приобретшие эти боны, имели, следовательно, в этом деле законный интерес.

До разрыва с союзниками две депеши министра иностранных дел потребовали признать принцип рекламации. Даже учитывая то обстоятельство, что это являлось делом низвергнутого правительства, он употреблялся в борьбе против Хуареса. Билло приводил в доказательство депеши Тувенеля-Салиньи от 28 февраля и 14 марта 1862 г. В них министр призвал посла включить все, что должны Франции. На конференции в Оризабе стороны условились сохранить в рекламациях на имя правительства Хуареса заем Жеккера.

Таким образом, ни финансовый ультиматум, ни дело Жеккера, по мнению Билло, не были действительными мотивами разрыва между представителями союзных держав. Билло подверг анализу формулу Фавра: переговоры или отступление. Следует отбросить переговоры, потому что все предыдущие соглашения не выполнялись. Отступление, когда пролита французская кровь, когда Законодательный корпус, узнав об этом, сразу же выделил кредит в сумме 15 млн., когда французских граждан продолжали угнетать и притеснять, было бы равносильно предательству¹.

1 Император писал на следующий день своему министру: «Я выражаю вам мое полное удовлетворение за прекрасное выступление... я прочитал его с живейшим интересом и восхищался не

Отметим следующее. Столкнулись два варианта действия: оппозиция в лице Фавра предлагала правительству вести переговоры с Хуаресом, а Билло от имени правительства настаивал на силовом решении вопроса для возмещения ущерба. Очевидно, предложение Фавра не было плохим, но оно не укладывалось в рамки национального сознания. Ведь были задеты честь и достоинство Франции! Как можно было оставить такое без последствий? С этой точки зрения выступление Билло во многом импонировало задетому национальному самолюбию и было принято с одобрением. Кроме того, доводы правительства звучали более убедительно, во всяком случае на этом этапе обсуждения проблемы, и базировались на документах. Фавр же ограничился лишь незначительным цитированием.

12 января 1863 г. открылась последняя сессия Законодательного корпуса, избранного в 1857 г. В тронной речи император, говоря о далеких экспедициях, отметил, что «экспедиции в Китай, Кохинхину и Мексику показывают, что нет такой далекой области, где нанесение ущерба чести Франции осталось бы безнаказанным»¹.

Правительственное послание о внутреннем и внешнем положении в Сенате представил Мань, а в Законодательном корпусе — Варош².

Мексиканская проблема нашла свое отражение в трех разделах: военном, морском и по делам колоний, иностранных дел. В разделе «Военное министерство» были выделены следующие аспекты. В 1862 г. военные операции за пределами Франции в основном проходили в Мексике. Далее говорилось о составе французских войск и их транспортировке.

В разделе по иностранным делам отмечалось де-факто о разрыве между союзниками. Исходя из этого обстоятельства правительство решило послать значительное подкрепление, поскольку в данное время только французские войска решали задачи, которые должны были провести союзные войска. Ожидание этих подкреплений неизбежно повлекло за собой отсрочку в военных операциях. Чтобы обеспечить единство руководства, дипломатические и военные полномочия были сконцентрированы в руках командующего экспедиционным корпусом. Таким образом, мексиканский вопрос вошел полностью в военную фазу.

Как уже отмечалось, вместе с правительственным посланием были приложены дипломатические документы. Они охватывали период, предшествовавший Лондонской конвенции, инструкции уполномоченным Франции относительно линии поведения в мексиканской экспедиции и дипломатическую переписку между Тувенелем и его послами в Мадриде (Варро) и Лондоне (Флао) за весь 1862 г. Но наиболее важным документом, на наш взгляд, стало письмо императора генералу Форю от 3 июля 1862 г. Оно определило цели экспедиции и образ действий Форя, наделенного дипломатическими и военными полномочиями.

Целесообразно подробнее остановиться на этом документе, поскольку он четко обозначил основные идеи главы исполнительной власти. С другой стороны, разъяснение позиции правительства в Законодательном корпусе окажет большое влияние на восприятие экспедиции большинством депутатов.

только талантом оратора, но и также патриотическими порывами». См.: Blayau N. Op.cit. P

¹ *Moniteur. 12 janvier 1863.*

² *Moniteur. 13 janvier 1863.*

Итак, император предписывал Форею: прямо в момент прибытия выпустить прокламацию о целях экспедиции; принимать благожелательно всех мексиканцев, предлагающих свои услуги; придерживаться нейтралитета среди конфликтующих сторон до тех пор, пока мексиканцы не выскажутся по форме правления; почтительно относиться к религии и к держателям национальной собственности; содержать, вооружать и платить жалованье, исходя из возможностей, вспомогательным мексиканским войскам, которые должны играть главную роль в сражениях; как среди основных войск, так и во вспомогательной армии соблюдать строгую дисциплину; подавлять любой акт, наносящий обиду мексиканцам, учитывая гордость их характера.

Важно подчеркнуть, что в письме для Наполеона взятие Мехико является решенным вопросом. А ведь оно было написано только в июле 1862 г., когда французские войска потерпели поражение под Пуэбло. С другой стороны, ощущается определенная осторожность в инструкциях императора. Так, генералу предписывается (в качестве желательного действия), дойдя до Мехико, собрать известных политических деятелей всех ориентаций с целью формирования Временного правительства. В свою очередь, правительство представит мексиканскому народу вопрос о политическом режиме, который должен быть установлен окончательно. Затем по мексиканским законам должна быть избрана национальная ассамблея. Задача командующего — помочь новой власти создать администрацию, и прежде всего в области финансов, взяв за основу модель Франции. Что касается формы правления, то она должна быть создана по воле мексиканцев, но с шансами на стабильность и обеспечение Франции возмещения ущерба. Если они предпочтут монархию, то в интересах Франции поддержать их в этом стремлении.

Подводя итоги, Наполеон подчеркивал, что задетая военная честь и проведение политики в интересах промышленности и торговли требуют двинуть войска с тем, чтобы установить либо монархию, либо, по крайней мере, правительство, гарантирующее определенную стабильность¹.

Հողվածը տպագրության է երաշխավորել խմբագրական խորհրդի անդամ, պ.գ.դ. Վ.Ռ.Բալայանը:

¹ Наполеон III — Форею. Париж, 3 июля 1862 г. Дипломатические документы.